

ГИЛЬГАМЕШ

(публикация в еженедельнике «Истоки», № 11, от 18.03.09)

Авторское предисловие

Миф можно считать разновидностью сказки, или, наоборот, все сказки можно считать мифами в силу происхождения. Порой трудно решить, является ли какое-то волшебное повествование еще мифом или уже сказкой.

Поэтому существует такое компромиссное определение, как «мифологическая сказка», в которой можно увидеть отражение мотивов определенной мифологии, однако сюжет может лишь отдаленно перекликаться с мифом. В целом сказка ослабляет веру в мифическое "событие" и заменяет мифического бога человеком, развивает выдумку, чтобы развлечь читателя. В мифологической сказке такая трансформация происходит не полностью, и именно такой сказкой является «Гильгамеш».

Вся литература вообще любит возвращаться к прецедентным героям, находя в них «вечные образы», или общечеловеческие архетипы, по выражению Густава Юнга. Возвращение к прецедентному герою вполне оправданно, если художественная задача решается иначе, чем в прецедентном тексте. Для развлечения читателя автор литературного «римейка» может полностью заменить пружину сюжетного механизма. Например, главным злодеем в «Гамлете» Акунина оказывается Горацио, а вовсе не шекспировский Клавдий.

Переделать Гильгамеша на современный лад почему-то никто не решает, хотя этот персонаж, древнее которого трудно найти в литературе, представляет сразу несколько архетипов.

Единого шумерского эпоса о Гильгамеше не существует, и персонаж варьируется от мифа к мифу в сказаниях, записанных клинописью на глиняных табличках. В аккадской поэме он совершает путешествие на чудесный остров, чтобы получить бессмертие. В сказке «Гильгамеш» тоже есть бессмертие, хотя мотивация поступков героя здесь совсем иная. Здесь почти все иное: стиль, этика, приключение, изложенное современным языком, с иной мотивацией и чередой событий. Лейтмотивом аккадской поэмы является недостижимость для человека участи богов, а сказочный Гильгамеш сам отказывается от этой участи, потому что спасение жизни друга для него гораздо ценнее личного бессмертия, о котором, кстати, в отличие от мифического Гильгамеша, он вовсе не хлопочет. В общем, это оригинальная авторская сказка, хотя отдельные мотивы перекликаются с эпическими сказаниями древней Месопотамии.

Самые благородные герои древних мифов несут в себе следы естественной жестокости, отличаясь иным типом мышления, непонятным для сегодняшнего человека. Для меня важно было найти то, что сближает человека древней культуры с современным человеком, найти универсальные ценности. Такой ценностью можно считать, например, дружбу, которая выходит в сказке на передний план.

Любя своего героя из далекого прошлого, я хотел сделать его как можно более симпатичным и вместе с тем узнаваемым, так чтобы при желании в нем можно было найти черты и рыцаря, и озорного насмешника, и мудреца, который учится на своих ошибках.

Вместе с тем мне важно было сохранить воздух времени. Поэтому я бережно извлек из специальной литературы подлинные шумерские имена. Кроме того, для придания восточного колорита я добавил некоторую толику цветистости в эпитетах и метафорах в духе арабских сказок. О том, что у меня получилось, пусть судит читатель.

Давным-давно в древнем Шумере жил Гильгамеш, правивший Уруком, самым счастливым городом шумерской земли. Он был храбрым воином и удачливым военачальником, победившим всех врагов своего народа. За это, а также за то, что Гильгамеш был справедливым человеком,

который всегда поступал по совести, «черноголовые», народ Шумера, избрали его своим царем.

Однажды Гильгамеш узнал, что некий Энкид, дикий человек, мешает урукитам охотиться, распугивая дичь своими криками. Гильгамеш решил разыскать его и заставить уважать закон, чтобы каждый мог беспрепятственно приносить домой мясо оленей и буйволов, мясо газелей и горных баранов, мясо перепелов и диких гусей и кормить себя и свою семью. Собрав самых умелых наездников, вооруженных лучшим оружием, Гильгамеш выехал вместе с ними в поле, чтобы найти Энкида, дикого человека.

Целый день искал его Гильгамеш и, на склоне дня, устав от бесплодных поисков, решил отдохнуть. Он приказал зажарить целого буйвола и для этого отправил на охоту самых метких стрелков. Охотники скоро выследили добычу и уже прицеливались, как вдруг раздался леденящий душу крик, спугнувший животных. Стадо сорвалось с места и побежало вслед за вожакom, который, к великому удивлению охотников, оказался человеком, и этот человек бежал впереди всех буйволов, понукая отстающих! Охотники поспешили к своему военачальнику, чтобы рассказать обо всем увиденном, но Гильгамеш сам слышал крик Энкида и уже приказал седлать коней.

Пытаясь догнать Энкида, всадники все больше отставали от него, потому что их лошади не успели отдохнуть, и отставание увеличивалось, пока Энкид не повернул своих животных в сторону Тигра, и перед могучей рекой буйволы остановились. Пронзительным криком Энкид заставил их войти в воду и переплыть реку, а сам уселся на землю, лицом к заходящему солнцу, поджидая погоню.

Гильгамеш остановил своего коня, Шарура, подняв его на дыбы прямо перед сидящим вожакom стада, но бесстрашный Энкид не сдвинулся с места. - «Не пристало человеку убивать диких тварей, сотворенных Энлилем», - молвил он, глядя Гильгамешу прямо в глаза. - «Разве лучше голодать, чем охотиться?» - спросил царь, осаживая коня. - «Охота - дело хищника, ибо, лишенный разума, хищник не может быть пастухом, подобно человеку, который благоденствует, имея скот», - отвечал Энкид. - «Каждый в этом мире хищник, даже травоядная тварь, - возразил мудрый Гильгамеш, - человек убивает животное ради мяса, и прах его после смерти питает траву, которая растет, чтобы быть съеденной буйволами, и, значит, буйвол пожирает человека!» - «Человек убивает гораздо больше, чем нужно для жизни, - возразил Энкид». - «Значит, такова воля Эрешкигаль, владычицы смерти, которая сильнее Энлиля, сотворившего человека!» - ответил Гильгамеш. Продолжая спорить с царем, Энкид сказал: «Человек сильнее всех на земле и поэтому должен быть справедливым ко всем существам». - Гильгамеш возразил: «Человек сильнее всех на земле, и поэтому слабейшему нечего ждать, кроме смерти, и это справедливо». - Улыбнулся Энкид и ответил дерзкой речью: «Я вижу, ты готов

поклоняться смерти, как мойщик трупов, который получает медное кольцо за каждого покойника, и чем больше трупов, тем больше радуется мойщик!»

Сдерживая свой гнев, Гильгамеш предложил: «Сразись со мной, насмешник, и если ты победишь, я умру на твоих глазах и - клянусь Энлилем! - порадую мойщика золотым, а не медным кольцом!» - Военачальник заставил замолчать возроптавших было воинов и велел выдать меч Энкиду, чтобы он мог сражаться. - «Помериться силой можно и в кулачной борьбе, - сказал защитник животных, - скажи, признаешь ли меня правым, если я прижму твоё величие к земле?» - «Признаю, если это будет честный бой», - ответил Гильгамеш, и, сбросив с себя перевязь с мечом и доспехи из буйволово́й кожи, стал против Энкида, на котором не было никакой одежды кроме набедренной повязки.

Воины, образовав круг, шумно поддерживали Гильгамеша, известного своей силой, одновременно понося и дразня остриями копий вожака буйволов, который прыгал по кругу, ловко уклоняясь от ударов. В конце концов, хитроумный Энкид, подпустив противника поближе, нанес ему молниеносный удар в печень и, вывернув руку, стал пригибать его к земле. Страдая от боли и унижения, царь лег лицом в пыль, впервые в жизни ощущая горечь поражения! Вдруг, нащупав под собой камешек с острым краем, Гильгамеш незаметно зажал его свободной рукой в кулак и изо всех сил ударил им соперника в висок, и этот удар убил Энкида, вожака буйволов!

Потряса́я копьями, воины шумно радовались смерти друга животных, который осмелился спорить с их предводителем, а сейчас сам лежал в пыли, как издохшее животное. Гильгамеш же безмерно огорчился и разорвал свою одежду и бил себя по щекам, укоряя себя за предательский удар, вызванный гневом из-за проигранного впервые боя. Только сейчас понял он, что убил мудрого собеседника, который мог бы стать ему другом, и только сейчас узнал могущественный владыка, что жизнь человека, его собственная жизнь - лишь песчинка в колесницах богов.

Всю ночь просидел он у трупа Энкида, накрыв себя плащом и оплакивая его смерть. На рассвете Гильгамеш встал и похоронил его и велел насыпать курган из камней, чтобы хищные звери не добрались до тела, и сказал, обращаясь к своим воинам: «Я всегда стремился быть справедливым, но, встретив справедливого, я убил его своей рукой! Возвращайтесь же в Урук и объявите, что я не вернусь до тех пор, пока не верну к жизни своего друга!»

Сев на коня, он поехал к пещере в горе Хурсаг, которая ведет в подземное царство, где правит владычица смерти, змея Эрешкигаль. Гильгамеш надеялся выкупить у Смерти жизнь друга за собранные им в течение жизни сокровища: шумерское серебро, и хеттский лазурит, и изумруд из Дильмуна, и драгоценные камни с островов Зеленого Моря. Он

знал, что должен встретиться со Смертью до восхода следующего дня, пока душа умершего не обрела вечного покоя.

Пришпоривая коня, витязь стремился вовремя добраться до подземной пещеры, и едва не столкнулся с шедшей навстречу девой, необычайно высокого роста, закутанной в плащ. Перед этой девой, которая и не думала посторониться перед всадником, Шарур остановился как вкопанный, едва не сбросив своего седока. Гильгамеш залюбовался ее смеющимися губами цвета спелого граната в садах Урука, и нежными чертами, словно выточенными резцом лучшего мастера из Элама, и кожей, отливающей розовым перламутром, и черными, как смоль волосами, и высокой грудью, которая оставляет после себя тысячу вздохов, и глазами, сияющими как звезды в ночи. Порыв ветра, принесенный неизвестно откуда, распахнул ее плащ, и Гильгамеш увидел тело, достойное богини любви Инанны. Девица поманила его, и Гильгамеш, повинувшись ее очарованию, спешил и позволил взять себя за руку и увести к тенистым тутовым деревьям, росшим вдоль дороги. «Блудница», - подумал Гильгамеш, охваченный страстью. Дева рассмеялась и сказала: «Ты ошибаешься, Гильгамеш, я действительно Инанна, а не какая-то придорожная блудница!»

Между деревьями стоял полосатый шатер, расшитый жемчугом и украшенный изображениями солнца, и из шатра доносились нежные звуки атанашуры, тростниковой свирели. «Войди и изгони заботу из своей печени, и раздели со мной ложе, став мне мужем», - предложила богиня, но Гильгамеш остановился, уставившись на солнечный диск, изображенный на шатре. Если он опоздает к пещере до восхода солнца следующего дня, душа его друга никогда не вернется в тело, погребенное под курганом! - «Что же ты медлишь, Гильгамеш?» - спросила Инанна, хмуря свои прекрасные брови. - «Прости, о прекрасная Инанна, клянусь Энлилем, я недостоин тебя, ибо я озабочен злом, содеянным своей рукой, которое я спешу исправить», - сказал Гильгамеш, поворачивая обратно. - «Стой, смертный! - воскликнула богиня в гневе, и Гильгамеш остановился. - Ничто не может быть на свете дороже любви! Как же ты смеешь, презренный, ради жизни какого-то бродяги с болтливым языком, отказываться от мой любви, любви богини?» - Гильгамеш молча бросился к своему коню, который мирно пасся у дороги, и уже садясь в седло, услышал ее проклятие: «Клянусь владыкой премудрости Энки, который ведает сердцами богов, ты, презревший мою страсть, оскорбил меня великим оскорблением, и потому я проклиная твой путь и говорю: горе тебе!»

Солнце уже склонялось к заходу, когда Гильгамеш подъехал к подножью Хурсага, а на другой стороне горы находилась пещера, ведущая в подземное царство. Вдруг со скалы, которую объезжал Гильгамеш, сорвался камень, чуть не убивший его! Подняв голову, увидел он гигантского быка, посланного ревнивой богиней, чтобы отомстить ему за

свое оскорбление. Перескакивая со скалы на скалу, бык быстро сближался с Гильгамешем, раздувая ноздри от гнева и мотая головой с огромными изогнутыми рогами. Вынув меч, Гильгамеш ждал нападения быка, и, когда тот оказался прямо перед ним, высоко поднял своего коня, рассчитывая, что Шарур («булава»), опытный в битвах, размозжит быку голову своими копытами. Однако бык, словно зная заранее о намерении витязя, резко подпрыгнул, вспоров брюхо Шаруру, и опрокинул его на спину, сломав хребет. При ударе Гильгамеша выбросило из седла, и он упал, ударившись о скалу, обливаясь кровью, безоружный, едва сознавая себя.

«Бессмертные боги, помогите мне, помоги мне, Нинма, мать-земля!» - взмолился Гильгамеш. Поднялась тогда мать-земля, Нинма, услышав его призыв, широким валом, который защитил героя от бычьих рогов, и почувствовал Гильгамеш, поднимаясь на ноги, влившиеся в него могучим потоком силы земли! Схватил он быка за изогнутые рога, от удара которых защитила его Нинма, и стал пригибать его голову к земле. Взревел бык от ярости унижения, пытаясь сбросить руки человека, но человек все ниже склонял его к земле, приговаривая: «Слушайся человека, самое сильное существо на земле, ибо так говорил Энкид!» - Упираясь ногами в землю, бык погрузился в нее по колено, и от страшного давления земли его копыта разделились, и с тех пор все бычье племя, подобно быку Инанны, имеет расклешенные копыта! Наконец взмолился бык о пощаде, обещая стать слугой человека на вечные времена, и Гильгамеш дал ему имя. Затем он вырыл могилу для Шарура, своего боевого товарища, которого он добил своим мечом, чтобы избавить от лишних мучений, и воздвиг курган.

Солнце уже село, когда, закончив погребение, витязь сел на спину чудовищного быка, который помчался вперед, с грохотом обрушивая камни, прямо к вершине горы Хурсаг. Огромных усилий стоило человеку удержаться на его спине, и его сердце замирало каждый раз, когда бык, не задумываясь и не разбирая дороги, перепрыгивал через ущелья и гигантские пропасти, чтобы успеть к восходу.

Под утро Гильгамеш, перебравшись через гряду гор, подъехал к излучине волшебной Мертвой реки, за которой находилось невидимая в ночи царство мертвых. С этой стороны реки подземелье охранялось великаном Ут-напишти, который следил за тем, чтобы живые души не могли попасть в мир мертвых и чтобы мертвые не могли вернуться обратно в мир живых.

Собаки Ут-напишти залаяли, почуяв приближение человека, и вскоре великан, облаченный в медные доспехи, вышел из дома и закричал, потрясая булавой: «Живой или мертвый?» Гильгамеш ответил ему, что потерял свой покой из-за нечаянного убийства друга, которого он готов вызволить у Смерти любой ценой. «Помоги мне, о Ут-напишти!» - взмолился Гильгамеш. Увидев перед собой человека, окровавленного в битве, изможденного ночным переходом через горы ради друга, Ут-

напишти смягчился и, опустив свою булаву, сказал, что душа Энкида еще не входила в подземелье. Страж Смерти добавил также: «Живой не может пересечь Мертвую реку вброд, потому что волшебная вода заставляет забыть свое имя, и тогда человек обречен на вечное скитание!» - Тогда могучий бык, слуга Гильгамеша, воскликнул: «Я перепрыгну Мертвую реку!»

Ут-напишти сказал: «Я дам знать, когда приблизится к воде душа Энкида, ибо я чувствую скорбь, которая исходит от души мертвеца». В ожидании души Энкида, Гильгамеш рассказал о своих приключениях, и, слушая его, Ут-напишти изумлялся, хлопая себя по бедрам и щелкая языком от изумления. Когда Гильгамеш поведал о своей встрече с Инанной, великан дал ему мудрый совет: «Воздерживайся впредь обижать женщин, потому что трижды и три раза трижды опаснее иметь дело с женщиной, чем с мужчиной, будь это даже сам Энлиль, и любовь женщины кусает горше смерти, ведь недаром Смерть-змея приходится сестрой богини любви!»

Прощаясь, Ут-напишти подарил Гильгамешу цветок хулуппы, подарок богов, который дарует вечную жизнь. «Как же ты обойдешься без цветка бессмертия?» - спросил Гильгамеш, и великан ответил: «Я тоскую по своей жене, ужаленной Смертью в цвете лет, и мое бессмертие мне давно опостылело!»

В это же мгновенье Ут-напишти услышал приближение души Энкида и дал Гильгамешу знать. Едва успев схватить подаренный ему драгоценный цветок, витязь вскочил на спину быка, и бык побежал к берегу огромными скачками и, разбежавшись, прыгнул через реку. В то же мгновенье волшебные воды восстали и омочили голову Гильгамеша, и он потерял память, а над Мертвой рекой разнесся издевательский смех Инанны, которая таким образом отомстила царю за свое оскорбление!

Как несмышленный младенец, бродил Гильгамеш по песчаному берегу, кружась на одном месте и бегая бессмысленно взад и вперед, и не мог вспомнить свое имя. В этот момент из реки вышла скорбная душа мертвого Энкида и медленно направилась мимо него к пещере подземного мира. Тогда взревел бык великим ревом и боднул своего хозяина одним рогом и боднул другим, и закричал Гильгамеш от боли, а бык проревел ему прямо в ухо: «Помни, что ты Гильгамеш, убивший Энкида!» Услышав быка и увидев душу своего друга, человек вспомнил свое имя, и память вернулась к нему.

Небо на востоке уже порозовело, когда Гильгамеш побежал, опережая душу Энкида, к пещере, ведущей в обиталище теней. Ночью тени мертвых могли выходить из подземелья наружу, чтобы с восходом солнца вновь спуститься под землю. Поэтому у входа в подземелье в предрассветном свете Гильгамеш увидел тени бесчисленных стариков и старух, умерших от немощи, и тени мужей, погибших на бранном поле, и тени жен, умерших в цвете лет и красоты, и тени дев, уста которых не

узнали вкуса поцелуя. Среди них увидел он тень прекрасной женщины, похожей на луну, выглядывающую из-за туч, и глаза ее светились, как уголья, и от нее веяло не скорбью, как от остальных мертвых, а покоем. Восхищенный Гильгамеш невольно протянул руку, чтобы коснуться ее, и тень тоже протянула к нему обе руки, и вдруг Гильгамеш отпрянул в страхе, поняв, что перед ним стояла владычица смерти, змея Эрешкигаль!

Красавица рассмеялась и спросила: «Зачем ты пришел сюда, Гильгамеш, разве я тебя звала?» - «Я отдам тебе все, что у меня есть, если ты согласишься отпустить душу Энкида, убитого мной!» - обратился к ней Гильгамеш. - «Как глупо устроен человек, - сказала Смерть, сверкая очами, - всю жизнь копит сокровища, как будто богатством можно от меня откупиться!» - «Если не хочешь моих сокровищ, я отдам тебе хулуппу, цветок вечной молодости, подаренный мне, больше у меня ничего нет!» - сказал Гильгамеш.

В это мгновение душа Энкида, неслышно подошедшая сзади, протянула руки вперед, и Эрешкигаль, так же протянув вперед свои руки, пошла ему навстречу, чтобы навечно соединиться с ним, превратив душу мертвого в тень. «Не делай этого! - закричал Гильгамеш, отпусти его душу, бессмертная Эрешкигаль, за мою любовь к тебе!». - Та остановилась и спросила удивленно: «Ты любишь меня?» - «Конечно, - ответил хитроумный правитель, - ведь ты даруешь вечный покой, и прохладу для глаз, и отдых для усталой души, и путь, омытый дождем, и возвращение домой из дальнего похода!»

Вдруг Гильгамеш с изумлением услышал голос невидимой смеющейся Инанны: «Испытай его, сестрица, ибо этот смертный не знает себе равных в любви!» - Эрешкигаль улыбнулась и, распуская на себе одежды, протянула руки к Гильгамешу: «Возлюби меня, Гильгамеш, любовью, удивившей мою сестру, которую трудно удивить!» - Взмолился тогда Гильгамеш, обращаясь к силам неба и земли: «о Энлиль, о бессмертные боги, дайте мне животворящую силу, дай мне силу, озорник Шукаллитуда!» - Но молчанием ответили бессмертные, не желая связываться со Смертью, и промолчал великий садовник, окропивший своей росой божественное лоно, только Нинма, мать-земля, тихо шепнула ему: «Я с тобой!»

Поняв смущение Гильгамеша, Эрешкигаль рассердилась и сказала: «Горе тебе смертный, чье слово лживо, как лживо все в мире живых, и за это ты сейчас же умрешь злой смертью!» Гильгамеш увидел, как стоявшая перед ним красавица мгновенно превратилась в огромную зеленую змею с уродливой головой на вздувшейся шее, и эта голова яростно зашипела, показав свой отвратительный красный язык! С открытой пастью змея бросилась на него, пытаясь укусить, но витязь был начеку и, ловко схватив ее за шею, сжал ее могучими руками и не отпускал до тех пор, пока змея, уменьшившись в размере, не обессилила. Тогда Гильгамеш засунул бесчувственную змею в свой дорожный мешок из крепкой буйволовой

кожи и, туго перевязав его, подозвал к себе быка, чтобы возвращаться в мир живых, к кургану с телом Энкида.

Добравшись до кургана, царь раскопал могилу Энкида и стал ждать его душу, чтобы она могла соединиться с телом. Вдруг он увидел живого Шарура, своего коня, погребенного у подножья горы Хурсаг! Шарур имел жалкий вид из-за страшных ран, нанесенных бычьими рогами, из этих ран сочилась кровь, что не мешало ему передвигаться, правда, бывший боевой конь уже мог больше служить верховой лошадью из-за сломанного хребта. Пожалев жалобно ржущего коня, Гильгамеш убил его вторично, выпотрошив внутренности. К его удивлению, через некоторое время все удаленные внутренности чудесным образом оказались внутри коня, и Шарур ожил несмотря на огромный, вдоль всего живота, разрез, оставленный ножом Гильгамеша.

Через некоторое время душа Энкида соединилась с его телом, которое, к счастью не пострадало. Правда, временная смерть наложила на него свой отпечаток: он был замкнут и безучастен, и Гильгамеш решил показать его лучшим лекарям Урука, чтобы они вернули ему радость жизни. Энкид безропотно позволил посадить себя на быка, и они отправились в город.

Уже при въезде в Урук Гильгамеш увидел, что в городе творится неладное, и в течение несколько дней, пока он отдыхал, поручив Энкида заботам своих лекарей, стало еще хуже. Плач и шум слышались в каждом доме, ибо в каждый дом приходили ожившие мертвецы, в истлевшей одежде, пахнущие могильной землей, с кожей, изъеденной червями, вернувшиеся своим к близким, хотя близкие их совсем не ждали. Возмущение жителей достигло предела, когда оживших стало больше, чем жителей, и все они требовали еды и почитания со стороны домочадцев. Как бы сильно ни почитали урукиты своих родственников, делясь с ними последним куском, своих детей, которые голодали из-за наводящего ужас нашествия умерших, они любили все-таки больше! Утратившие силу старики и старухи, дожидавшиеся своего смертного часа, никак не могли испустить последнего вздоха. Иногда застывшее тело вдруг начинало шевелиться, а затем вновь, казалось бы, умирало, но его не трогало разложение, и если хозяин торопился его похоронить, то покойник во время погребения вдруг начинал кричать, что он еще жив, и конца этому не было, и люди сходили с ума от ужаса! Некоторые урукиты, объединившись друг с другом, караулили кладбище, не позволяя мертвецам выходить из могил, или загоняя кольями и мотыгами уже вышедших обратно в могилы, другие, обезумев, наносили себе раны, от которых никто не умирал, третьи вступали в драку с городской стражей, требуя пропустить их к царю, и бесконечно лилась кровь.

Тогда сказал царь сидевшей в мешке змее Эрешкигаль: «Я возвращаю тебе свободу, чтобы мертвые не мешали живым. Я победил тебя, и теперь ты знаешь, что человек может преодолеть смерть, ибо человек сильнее

всех на свете! Однако я понял, что смерть нельзя отделить от жизни, и это справедливо, и горе тем, кто не знает смерти, как и тем, кто не знает, что такое жизнь. Мой друг, воскресший из мертвых, печалит мою печень равнодушием к жизненным радостям, и потому я плачу о нем, как по мертвому Энкиду!» - Тогда сказала змея Эрешкигаль, сидящая в мешке: «Благо тебе, смертный! Я соберу всех мертвецов и при этом не заберу больше обычной жатвы и даже оставлю тебе жизнь твоего друга, которого следует развлечь танцами, и за все это я возьму только обещанный тобой цветок вечной молодости!» - «Зачем бессмертной цветок молодости?» - удивился Гильгамеш, и змея, сидящая в мешке, ответила так: «Только смерть не знает убыли в этом мире, остальное все тленно!» Гильгамеш выпустил ее из мешка, и Смерть забрала с собой в свое царство всех оживших покойников, и бесконечно долго лежащих на ложе смерти стариков и старух, и смертельно больных людей, и раненных во время городских беспорядков.

Тем временем Гильгамеш пригласил музыкантов и танцовщиц, чтобы вернуть своему другу радость жизни. Энкид, возлежавший на подушках, с безучастным видом воспринимая все происходящее. Царь уже начал отчаиваться, когда вдруг он заметил, что лицо Энкида несколько оживилось, когда на ковер вышла рослая девушка, с платком, закрывавшим почти все лицо, так что открытыми оставались только глаза, сияющие как звезды в ночи. Гильгамеш хлопнул в ладоши, и под нежные звуки атанашуры, тростниковой свирели, девушка начала танец живота, почти не двигая руками и ногами. Вдруг ударили медные листы, зазвенел бубен в руке танцовщицы, и, едва касаясь пола, она понеслась по кругу с откинутой назад головой, ускоряя танец, который постепенно захватывал все ее тело до кончиков пальцев рук и ног! Энкид не отрывал своего восхищенного взора с танцовщицы, а радостный Гильгамеш смотрел на своего друга, который обратился к нему, сказав: «Воистину, о царь, эта девушка, подобная богине, способна оживить даже камень!» - Танец закончился, и девушка сорвала платок, обнажив свой лик, и изумленный Гильгамеш узнал богиню Инанну!

С тех пор Энкида не покидала радость жизни, ибо он всем сердцем любил Инанну, став ее мужем, и она тоже любила его. Может быть, из-за этого мало времени оставалось у него для мудрых бесед с царем, или, может быть, этого не желала его возлюбленная, которая таким образом отомстила победителю Смерти, мудрому правителю Урука, самого счастливого города древней шумерской земли.